

СКВОЗЬ ГОДЫ И СТРОФЫ

ГРИБОЕДОВ И ПУШКИН

Иные исторические факты — случайные встречи, вскользь оброненные слова, совпадения дат или событий — воспринимались современниками и потомками не как случайные, а как закономерные. Сразу после смерти Пушкина Россия узнала имя Лермонтова, который через четыре года погиб так же, как Пушкин. Это трагическое совпадение действовало ошеломляюще на русских людей и до сих пор отзывалось болью в сердце каждого русского читателя. К числу таких совпадений относятся и печальная встреча, описанная Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»:

«Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

Встреча эта стала толчком для самого прекрасного некролога Грибоедову, автором которого был Пушкин. И сегодня, через 150 лет после гибели Грибоедова, мы перечитываем пушкинские строки из «Путешествия в Арзрум» с тем же чувством невозвратимой потери, с которым читали их современники. Две страницы воспоминаний Пушкина о Грибоедове вместили не только дань благодарности и памяти, но и трагическое содержание судьбы погибшего поэта: «Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении».

Пушкин оказался первым из великих современников Грибоедова, посетивших его свежую могилу в Тифлисе, именно Пушкин нашел те единственные слова, которые выразили и силу гениальности Грибоедова, и трагизм его противоречивой судьбы, и величие его героической кончины: «Не знаю ничего завиднее

последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

А между тем отношения Грибоедова и Пушкина до сих пор мало изучены в нашем литературоведении, на что есть вполне понятные и объективные причины: этих отношений как таковых почти не было. По свидетельству самого Пушкина, он познакомился с Грибоедовым в 1817 году, то есть сразу по выходе из лицея. Но знакомство, судя по всему, было весьма поверхностным. Внешне их связывали служба в Коллегии иностранных дел, куда они поступили почти одновременно, а также общая любовь к искусству театра.

Свидетельство светской холодности между Грибоедовым и Пушкиным можно считать и то обстоятельство, что об отношениях между ними нет и речи в романах такого знатока пушкинской эпохи, как Ю. Н. Тынянов. Так, проследившая в «Кюхле» сложную судьбу Вильгельма Кюхельбекера, лицейского друга Пушкина, а впоследствии друга Грибоедова, Тынянов не обнаруживает никаких точек соприкосновения между этими поэтами. Грибоедов не появляется и в романе «Пушкин». Среди корреспондентов Пушкина в его обширном эпистолярном наследии мы не обнаружим Грибоедова. Между 1 и 8 декабря 1823 года Пушкин пишет П. А. Вяземскому из Одессы: «Что такое Грибоедов? Мне говорили, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны». Показательно сама форма вопроса: не «кто такой?», ибо они знакомы, но — «что такое?», ибо сущность Грибоедова для Пушкина, судя по всему, загадка.

Так же туманно и отношение Грибоедова к Пушкину. Впервые имя Пушкина встречается в письме Ф. В. Булгарину, отправленному из Петропавловской крепости: «Пришли мне Пушкина стихотворения на одну сутки». Несколько позже, 9 декабря 1826 года, Грибоедов напишет С. Н. Бегичеву: «Поззия! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...»

Лишь ветхая заплата
На ветхом рубище певца».

В том же письме содержится просьба прислать «Бориса Годунова», а через четыре месяца из письма Ф. В. Булгарину мы узнаем, что «Годунова» Грибоедов прочел лишь в отрывках...

К более позднему периоду, к 1828 году, относится случай совместного творчества Грибоедова, Пушкина и М. И. Глинки. Будучи замечательным музыкантом, Грибоедов сообщил Глинке тему одной грузинской песни, которую композитор тут же стал разрабатывать на рояле. Мотив увлек Пушкина, и он «нарочно под самую мелодию» написал слова:

Не пой, красавица,
при мне
Ты песен Грузии
печальной...

Так родился один из прекраснейших русских романсов. Но все перечисленные факты затрагивают лишь внешнюю сторону отношений Грибоедова и Пушкина. В литературном плане привычным стало сопоставление художественных образов, созданных этими великими современниками, начиная со школьного сравнения Чацкого и Онегина и кончая прямыми перекидками и скрытыми цитатами в тексте. В этой связи огромный интерес представляет письмо Пушкина Алек-

сандру Бестужеву, датированное концом января 1825 года. Письмо это явилось прямым и непосредственным откликом Пушкина на комедию «Горе от ума». Как известно, 11 января 1825 года Пушкина в Михайловском навещил Иван Пущин. В «Записках» Пущина читаем: «Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума», он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою... Я с необыкновенным удовольствием е слушал его выразительное и исполненное жизни чтение».

Пушкинский разбор начинается со знаменитого афоризма: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным». Мысль, высказанная мимоходом в частном письме, стала ныне аксиомой и ключом к пониманию творчества любого великого художника. Пушкин не боится высоких слов в оценке грибоедовской комедии и отмечает в авторе «черты истинно комического гения». Кульминацией письма становится широко известная характеристика главного героя:

«Теперь вопрос. В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый мальчик, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На балу московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и

не метать бисера перед Репетиловыми и тому под.»

Остроумное, по-доброму ироничное замечание Пушкина издавна привлекало внимание исследователей. Но, кажется, недостаточно четко были сформулированы некоторые характерные особенности этой оценки. Во-первых, высказав прекрасную мысль о неоспоримости художественных законов, признанных писателем над собой, Пушкин нарушает эту заповедь. Заявив, что он не осуждает «ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова», он осудил их, отказав Чацкому в уме. Но одновременно он доказал справедливость и точность своего афоризма. Ибо все высказанное Пушкиным в адрес Чацкого имеет прямое отношение к творчеству самого Пушкина, помогает понять не столько Чацкого, сколько Онегина.

Вспомним, что к началу января 1825 года была почти закончена четвертая глава «Евгения Онегина», а в 1824 году Пушкин окончательно доработал и завершил главу вторую. В «Онегине» Пушкин, так же как Грибоедов в «Горе от ума», создает свою концепцию мыслящего героя. Особенности поведения Онегина в среде, сходной со средой грибоедовской Москвы, обнаруживают себя именно во второй главе. Герой Пушкина ведет себя в точном соответствии с той программой, которая излагается в письме Бестужеву: он знает, с кем имеет дело, не мечет бисера перед деревенскими соседями, а «лишь только вдоль большой дороги слышит их домашни дроги», велит подавать донского жеребца с заднего крыльца.

Но если бы Чацкий повел себя так же, как Онегин, и по-

требовал карету сразу же, то комедия не состоялась бы. Герой драматического произведения не мог, по законам жанра, вести себя так, как герой романа. Это первое. А второе состоит в том, что, независимо от формы поведения, и Чацкий, и Онегин в мнении света удостоились почти одной и той же оценки: первого объявили сумасшедшим, о втором заключили: «Сосед наш неуч; сумасбродит...» К отражению этой реакции общества на интеллектуального человека Грибоедов и Пушкин пришли совершенно самостоятельно и в одно и то же время.

Заметим кстати, что Грибоедову, выдающемуся дипломату и знатоку света, чувство аудитории было свойственно в гораздо большей степени, чем Пушкину, темпераменту и неудержимая искренность которого часто ставили его даже в опасные положения.

Наконец, еще один интересный поворот, обнаружить который помогают статьи Ю. Н. Тынянова, опубликованные через много лет после смерти автора. В статье «Сюжет «Горя от ума» рядом с другими рассматривается и вопрос о прототипах Чацкого. Анализируя текст, раскрывающий индивидуальные особенности поведения героя, ученый пишет: «Здесь был жизненный переход в изучениях Грибоедова от Чаадаева к Кюхельбекеру, у которого была «этих особенностей бездна». Это центральное место комедии, несомненно, связано с судьбой, положением уже не Чаадаева, а этого друга Грибоедова, который попал в Тифлис, как Чацкий в Москву, — после Западной Европы».

Кюхельбекер, над которым часто, еще с лицейских лет, не

успевал иронизировать Пушкин, решительно никогда не умел учитывать аудиторию, часто попадал в нелепые положения. Но следует заметить, что на этом основании Пушкин никогда не отказывал ему в уме. Тынянов отмечает «фотографическую близость» Чацкого и Кюхельбекера. Показательно, однако, что Пушкин не узнал в Чацком своего лицейского друга. Почему же это произошло?

К пониманию причин этого подводит нас опять-таки Ю. Н. Тынянов, но уже в другой своей работе — «Пушкин и Кюхельбекер». Внимательно прочитав письмо В. Туманского Кюхельбекеру, посланное в декабре 1823 года из Одессы, Тынянов обнаруживает, что «соавтором письма Туманского к Кюхельбекеру был Пушкин».

А дальше, анализируя текст «Евгения Онегина» и черновые наброски Пушкина к роману, автор приходит к неоспоримому выводу, что образ высокого поэта Владимира Ленского Пушкин создавал, отталкиваясь от того же Вильгельма Кюхельбекера. Вероятно, поэтому он и не узнал в Чацком такое знакомое лицо.

Открытия Ю. Н. Тынянова подводят нас вплотную к интереснейшей проблеме — к размышлениям о том, как один и тот же человек вдохновил двух художников на создание принципиально различных характеров.

И, наконец, последнее предположение. Возникает вопрос: оставалось ли отношение Пушкина к Чацкому неизменным и в дальнейшие годы? В дневниках, письмах, литературно-критических заметках Пушкина мы не обнаружим указаний на то, что оно изменилось. Но перед нами текст «Евгения Онегина», вторая глава которого, как трудно было увидеть, показывает нам главного героя как

своеобразную противоположность Чацкого. А роман писался дальше, шли годы, менялся Пушкин, переживал мучительные события его герой. Над последней, восьмой главой «Онегина» Пушкин начал работать 24 декабря 1829 года и закончил ее 25 сентября 1830 года в Болдине. Этому предшествовало некоторое сближение с Грибоедовым в 1828 году, а затем гибель Грибоедова. И вот Евгений Онегин после длительного отсутствия в свете «возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал». Случайно ли это сравнение Онегина с Чацким? Вряд ли в данном случае Пушкин пленился внешним сходством в судьбе героев — их возвращением после долгой разлуки с обществом. Мы знаем, что Пушкин чрезвычайно точен в слове.

Впрочем, даже если допустить, что в этой строке подчеркнуто лишь внешнее совпадение, вряд ли случайной оказывается перекидка пушкинских строк с грибоедовскими. С горечью произносит Чацкий: «Я странен, а не странен кто ж? Тот, кто на всех глупцов похож...» Онегин не говорит о себе подобных слов — это делает Пушкин, яростно вступающийся за своего героя: «Зачем же так неблагоприятно вы отзывались о нем?» Эта знаменитая строфа заканчивается упрямом авторе свету в том, «...что посредственность одна нам по плечу и не странна?».

Но вне догадок и предположений осталось утверждение Пушкина о величии и истинном значении для России Грибоедова: «Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами».

Л. МАЛЫШЕВА,
кандидат филологических наук.

Сов. Крестовина, 1979, 9 февр